

Кульгавеня С.С., Хабибулин Р.Г.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

Введение. Главная задача философии заключается в том, чтобы разработать теорию о мире как едином целом, которая бы опиралась на все многообразие опыта.

Философия порой понимается как некое абстрактное знание, предельно удаленное от реальностей повседневной жизни. Нет ничего более далекого от истины, чем такое суждение. Напротив, именно здесь находится главное поле ее интересов; все же остальное, вплоть до самых отвлеченных понятий и категорий, до самых хитроумных мыслительных построений – в конечном счете не более чем средства для уразумения жизненных реальностей в их взаимосвязи, во всей полноте, глубине, противоречивости. При этом важно иметь в виду, что с точки зрения философии уразуметь действительность вовсе не значит просто примириться и во всем согласиться с нею. Философия предполагает критическое отношение к действительности, к тому, что устаревает и отживает, и одновременно – поиск в самой реальной действительности, в ее противоречиях, а не в мышлении о ней, возможностей, средств и направлений ее изменения и развития. Преобразование реальности, практика и является той сферой, где только и могут получить разрешение философские проблемы, где выявляется действительность и мощь человеческого мышления.

Философские представления на Руси как выражение общего взгляда на природу, человека и общество зарождаются еще в глубокой древности. Первые достоверные свидетельства об этом относятся примерно к X–XI вв.; т.е. к тому времени, когда на территории нашей страны сложились достаточно развитые общественные отношения и возникло государство, а культура и образованность достигли относительного высокого уровня. Но русская философия превратилась в самостоятельную науку и утвердила свой собственный предмет и проблематику лишь в начале XVII века, когда философия окончательно обособилась от религии.

Православная догматика, святоотеческая литература определяли основные грани в пути размышлений, богатая философская литература Западной Европы создавала возможность выбора между тем или иным философским направлением при построении христианской философии.

Религиозный опыт дает нам наиболее важные данные для решения этой задачи. В русской философии влияние православия оказывает решающую роль. Она глубинным образом связана с ним как корневым основанием русской культуры. Только благодаря ему, мы можем придать нашему мирозерцанию окончательную завершенность и раскрыть сокровеннейший смысл вселенского существования. Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной.

Наиболее яркие философы появлялись в так называемые «трудные времена». Жизнь трубила в горн, и они шли на его зов. Трудные годы,

полные лишения и горя, стимулировали человеческое сознание индивидуумов, которые от безысходности начинали интенсивно искать любые выходы из создавшегося положения. Преследование инакомыслящих, не согласных с идеологией господствующего режима, порождало в их сознании протест - протест, который созрел на ниве подавляемого свободного сознания, не могущего себе даже представить, что в современном обществе действуют порядки средневековой инквизиции.

С этой точки зрения Россия всегда отличалась «благодатной» нивой для стимулирования философской мысли. Последняя никак себя не проявляла, пока не наступала одна из эпох глобальных перемен, которая требовала переосмысления, так как менялись ценности, расставлялись новые приоритеты, и все это требовало новой теории. Спрос рождает предложение, а гениев, которые хотят и могут творить, русская земля порой порождает мирового масштаба.

Несмотря на позднее историческое появление так называемой «русской философии», она сразу заявила о себе в полный голос. Дело в том, что здесь сказалась одна особенность национального характера, который имеет старославянские корни – пока русского человека совсем «не прижмет к стенке», он и пальцем о палец не ударит, но когда он «созреет» – здесь уже никакие преграды не спасут – он приступит к делу и постарается довести его до логического завершения [5].

Сущность русской философии. Несмотря на весь романтизм и ореол таинственности, сопровождающие любые потуги человека познать окружающий мир, зачастую вопросы и ответы на них ищут романтики, медовый месяц которых уже прошел. Их можно назвать романтическими практиками, то есть людьми, которые пришли к пониманию жестокой реальности материи и бессмертию воинствующего духа от детской мечты о добре, справедливости и любви. Последние три компонента, соединенные вместе, дали очень многим, вставшим на путь поиска истины, немалый заряд энергии, который смог напитать не только их самих, но и тех, кто пошел вслед за ними, ориентируясь на огонь знания, освещающий путь ищущих.

Эти люди уже родились философами. Можно сказать, что они родились хотя бы только для того, чтобы узнать «а что это такое – родиться?» Такое положение дел, по всей вероятности, сложилось достаточно давно. Как показывает исторический опыт, данный процесс не всегда и не везде протекал благополучно и легко. Наиболее яркие философы появлялись в так называемые «трудные времена». Жизнь трубила в горн, и они шли на его зов. Трудные годы, полные лишений и горя, стимулировали человеческое сознание индивидуумов, которые от безысходности начинали интенсивно искать любые выходы из создавшегося положения. Преследование инакомыслящих, не согласных с идеологией господствующего режима, порождало в их сознании протест – протест, который созрел на ниве подавляемого свободного сознания, не могущего себе даже представить, что в современном обществе действуют порядки средневековой инквизиции.

С этой точки зрения Россия всегда отличалась «благодатной» нивой для стимулирования философской мысли. Последняя никак себя не проявляла, пока не наступала одна из эпох глобальных перемен, которая требовала переосмысления, так как менялись ценности, расставлялись новые приоритеты, и все это требовало новой теории. Спрос рождает предложение, а гениев, которые хотят и могут творить, русская земля порой порождает мирового масштаба.

Несмотря на позднее историческое появление так называемой «русской философии», она сразу заявила о себе в полный голос. Дело в том, что здесь сказалась одна особенность национального характера, который имеет старославянские корни – пока русского человека совсем «не прижмет к стенке», он и пальцем о палец не ударит, но когда он «созреет» – здесь уже никакие преграды не спасут – он приступит к делу и постарается довести его до логического завершения. Это относится и к мировоззренческим проблемам.

Двадцатый век, наверное, является одним из самых драматичных и насыщенных событиями историческим интервалом бытия человечества. Потрясения, которые Россия начала испытывать уже с начала своего «собирания», и которые являлись стимулом ее развития на протяжении всей ее истории, к нач. 1900 г. начали приобретать штормовой характер, что вылилось в известные нам события, буквально несколько раз «наизнанку выворачивавшие» нашу страну весь XX в. Революции, войны, падения и взлеты – все это довелось испытать многострадальной защитнице мира.

В такие «лихие годы» выкристаллизовывалось то, что позднее назовут самосознанием России, ее историческим характером. Суть же менталитета русского народа и пути, по которому он шел, наиболее остро ощущали считанные единицы, то самое меньшинство, которое выражало мнение остального, менее «чувствительного» большинства. Часто эти единицы «просветленного» духа не находили отклика в сердцах и умах своих современников, но многие из них осознавали свою значимость как предвестников ближайшего будущего. Несмотря на многообразие и противоречивость мировоззренческих «предвидений» этих философов, все они так или иначе глубоко осознавали последствия появления на свет своих творений, как способа выражения сконцентрированной мудрости своего народа.

Изучая эту мудрость, анализируя исторический характер и тенденции развития философских теорий, мы попытаемся прояснить для себя их суть и найти ответ на свой главный вопрос, результаты ответа у нас будут свои, уникальные, ведь так повелось, что размышлять может практически каждый человек, выросший в социуме. Это обусловлено особенностями его аппарата мышления - мозга (по крайней мере, об этом сегодня утверждает наука). Странно, конечно, но, может быть, человек всего лишь приемник, а сам процесс идет где-то в иных сферах? Как бы то ни было, а мыслящий человек так или иначе приходит к пониманию того, что для успешного взаимодействия с окружающим миром необходимо сначала четко

представлять, что собой представляет этот мир. А для этого необходимо сформировать стройную систему мировоззрения.

Предпосылки развития русской философии в XX веке

Начиная разговор о таком явлении, как русская философия, будет весьма кстати преамбула, включающая в себя исследования профессиональных современных русских философов, рассматривающих вопросы истории возникновения и развития особого менталитета, присущего исключительно русскому народу. До непосредственного знакомства с такой интересной областью совершенствования человеческого разума, как философия, обыденное описание одним обывателем другого словом «философ» давало повод думать о философии как о чем-то нечетком, расплывчатом, «затуманивающим мозги». После более близкого ознакомления с философией, первое впечатление полностью улетучилось, осталось лишь представление, что философия – это образец четкого, логически стройного и завершенного представления знаний о мире в человеческом мозге, которое составляет наше мировоззрение.

В зависимости от степени развития нашей подкорки, каждого из нас посещают те или иные мысли, эмоционально окрашенные квинтэссенцией индивидуального жизненного опыта. Таким образом, мы постоянно реагируем в нашем сознании на порой раздражающую нас окружающую действительность. Но иногда наступают моменты, когда сознание полностью отстраняется от реальности, возлагая эти заботы на подсознание, которое, стараясь максимально эффективно использовать такую редкую возможность, являет нам чудеса изобретательности. В такое время в полную силу проявляются, латентные прежде, возможности неограниченного осмысления бытия и ментальности, его абстрагирующей. Почему латентные? На первый взгляд - потому, что ранее не возникало в них крайней потребности. Неочевидным примером такого резервирования может служить способность некоторых животных, в случае необходимости, например, при прямой угрозе их жизни, проявлять способности, которые они обычно миру не являют; например, ящерица отбрасывает свой хвост, когда ей угрожает опасность.

Когда дело касается человека, то необходимо заметить, что скрытые возможности могут проявляться у него в таких ситуациях, когда ему или весьма близким ему людям угрожает опасность физического уничтожения, и у человека не остается времени либо возможности на использование стандартных средств реагирования. В этом случае, ограниченность или безграничность определяются факторами, которые в некоторых кругах называют пограничными, и которые определяются возможностями конкретного индивидуума. Проявляемые в таком случае сверхвозможности, имеют физический характер. Если человек сознательно совершенствует себя, то результаты такого воздействия носят глубокий транспсихологический характер, который проявляется в более глобальной реконструкции системы разум-тело. После подобного рода переживаний, в случае успешного решения возникшей проблемы, человек начинает задумываться и активно искать пути предотвращения таких ситуаций, а для этого ему приходится

тщательно исследовать глубинные причины физических процессов (яркий пример – физика), а также отправляться в путешествия вглубь сознания (психология и нейролингвистика).

В последнее время появилось много различных «практических пособий», авторы которые ставят целью «научить» читателя преодолевать жизненные невзгоды посредством нехитрых, либо, наоборот, сильно «замудренных» методик. Иногда в таких трудах встречается свежая струя здорового оптимизма, который насыщен бодрыми рекомендациями общего характера, и все это разбавлено доброй порцией философских размышлений авторов о том, каким путем они пришли к данному положению дел. Среди таких «учений» встречаются весьма занятные, а порой и интересные по сути отвлечения, обычно жестко ориентированные на сознание людей с определенным «режимом» мышления.

Таких учений очень много, и большинство из них сравнительно быстро находит благодатную почву для развития на ниве неподготовленных умов. Как не потеряться в таком мире терзаний человеческого разума? Ответов может быть сколь угодно много, но практически ясно одно - чтобы уметь, надо знать. А это ведет к необходимости постоянного приобретения знаний. Мотивацией данного тезиса служит обычная логика: «знания могут оказаться невостребованными, но они не могут быть бесполезными».

Вот мы и добрались постепенно до предмета нашего разговора, который вынесен в название данного произведения. Тому есть свое объяснение. Хотя человек по сути своей и является существом с неограниченной свободой «волеизмышления», тем не менее, инструмент, которым он для этого пользуется, часто весьма грубый и «топорный» по своей природе. Это свойство, в свою очередь, определяется той совокупностью методически вбиваемых с рождения в сознание человека доктрин, которые программируют поведение субъекта в повседневной жизни и за ее пределами. Пределы такой "стесненности" обусловлены лишь этими постулатами; выйти за них - личное дело отдельно взятого мыслителя. Способ и средства люди избирают в зависимости от своих моральных и этических норм. Это приводит к мысли о том, что если индивидуум решит преодолеть барьер искусственных ограничений, то он легко выйдет на иной, абстрагированный от земного, уровень мышления.

Инструмент, наиболее подходящий для выполнения такой «деликатной» операции, имеется в голове любого думающего человека. Под процессом мышления здесь понимается осознанное порождение и трансляция в мозге абстракций, которые являются при первом приближении тем, что люди обычно называют «мыслями». Здесь нет места романтизму, романтизм является лишь следствием слияния и разделения хаотически мечущихся абстракций, но при этом спорным становится момент, при котором романтика появляется вследствие логически управляемого процесса мышления. В последнем случае критерием романтизма можно считать превалирующее отношение к результатам мыслительной деятельности о конкретном объекте приложения мыслительной энергии. Вопросом является

лишь способ достижения состояния гармонии, при котором не происходит лишних метаний и отклонений от основной цели развития разума.

В одиночестве, человеку весьма сложно выявить свои заблуждения и просветления. Необходим взгляд со стороны. Тот факт, что не все сознания бодрствующие, и не все бодрствующие сознания сознающие, но при этом не все сознающие сознания – думающие, позволяет сильно усомниться в собственном бодрствовании с вытекающими отсюда последствиями. Отсюда автор заключает, что для более корректного взаимодействия с окружающей действительностью необходима сверка генерального курса с выводами мышления субъектов, обладающих иной, необязательно более полной, информацией. Главное – чтобы эта информация отличалась от той, которая привела к появлению данных строчек.

Учитывая вышеперечисленное, можно с определенной уверенностью сказать, что философия является таким инструментом критического анализа действий человека разумного. Эта тенденция, по всей вероятности, появилась еще на заре человечества. Умение абстрагироваться от реальности, перенося в иное измерение (например, из «сегодня» в «завтра») окружающие объекты и среду существования, помогало нашим предкам начать робкие попытки планирования своего, а также потомков, будущего. Таким образом, человек научился мыслить отвлеченно.

Этому способствует несколько особенностей философии. Во-первых, мышление, с ее помощью, почти достигает абсолюта (имеется в виду – стремится к совершенству) ввиду полной свободы от каких-либо ограничений. Ограничения мыслящий субъект ставит сам, во избежание попадания в неприятные ситуации и сосредоточении усилий на главной цели. Это помогает ему предсказать появление неблагоприятных условий и выработать стратегию преодоления негативных ситуаций с помощью мер превентивного характера. Во-вторых, «любовь к мудрости», как называли древние эту науку, порой невозможно рассматривать отдельно от индивидуума, ее представляющего, так как она составляет самую его суть, без которой останется лишь пустая, гулкая, оболочка.

Философия – это также есть способ по-новому взглянуть на привычные вещи. Не секрет, что изменение угла зрения на привычные вещи часто позволяет увидеть в нем нечто совершенно новое. Таким образом, мы сами определяем направление своего движения, состояние движения (стояние на месте, возвращение назад, медленное продвижение либо рывок вперед), средства для его осуществления. При этом основная задача мышления – это анализ (раскладываем явление на части), обобщение, формулирование идеи, а затем на основе этой идеи создание логических заключений и обоснование новых идей [3].

Философия России – экскурс в прошлое. Скользя по спирали времени от начала «великого собирания», вдумчивый исследователь, несомненно, отметит тот факт, что древнерусская мудрость имеет ряд отличительных особенностей в качестве целостного культурно-исторического феномена. С одной стороны, она восприняла некоторые элементы восточнославянского

языческого мировоззрения, многокомпонентного по своему составу, поскольку древнерусская народность формировалась с участием угрофинского, балтского, тюркского, нормандского, иранского этносов. С другой стороны, после принятия христианства в качестве официальной идеологии и вытеснения языческого типа мировидения на периферию сознания отечественная мысль интенсивно впитывала в себя и творчески перерабатывала через византийское и южнославянское посредничество теоретические положения, установки и концепции развитой восточно-христианской патристики.

В России словно бы пересеклись и обнажились наиболее существенные моменты эзотерической истории человечества, скрытые или замутненные в других цивилизациях. в отличие от современной неопределенности, русская традиция изначально ориентировалась на абсолютное метафизическое качество - бесконечность. Ориентация на бесконечность прямо связана с «инаковостью» по отношению к остальному, этому миру. Отсюда - удивляющая рационалистов доктрина «Вечной России», отсюда - поражающее конвенциональных философов упорство русской мысли в поиске сути России, непрестанное «русскоискательство», которому нет никаких аналогов в мире (французская философия, к примеру, занята вовсе не «франкоискательством»).

Русское мировоззрение по природе своей трансобъективно, оно не останавливается на каких бы то ни было «объективных» – интеллектуальных, эстетических или исторических – достижениях. Но вместе с тем, оно далеко не совпадает с простой инерцией. Напротив, русская мысль – даже в самых своих «западнических» проявлениях (Чаадаев) – всегда отличалась известным нонконформизмом по отношению к исторически мельчавшим «абсолютам» западной философии. И при всей своей внешней «самозамкнутости» она ориентировалась на глобальные вопросы, ставя и разрешая их в контексте собственной традиции, что только углубляло их возможные решения, не давая замкнуть их в достаточно однообразной «европейской культуре» современного мира. Таким образом, можно сказать, что сама русская традиция со своим метафизическим содержанием и мифологическим мышлением преодолевает интеллектуальную энтропию современного мира. В этом преодолении и состоит одна из главных черт загадочной русской избранности.

Древнерусская языческая модель мироздания, ставшая итогом многотысячного предшествовавшего пути, имела следующие установки: нерасторжимость с природными циклами, поклонение стихиям, культ тотемов и почитание предков как способы социальной определенности. Тройная вертикальная структура (небо, земля, преисподняя), четвертичное горизонтальное разбиение (север, запад, восток, юг), бинарные оппозиции (верх – низ, мужское – женское, день – ночь) не только структурировали языческое сознание и создавали своеобразный механизм объяснения мира и человека, но и содержали в себе протомодели, которые впоследствии были преобразованы в развернутые и рационализированные концепции.

Каким же было философское знание в Древней Руси? Надо заметить, что тогда осуждалось «философское кичение» как самонадеянность индивидуального разума и восхвалялось «смиреномудрие» как более достойная позиция – реальное понимание ограниченности человеческих возможностей перед беспредельностью мироздания. Кроме того, вся философская традиция делилась на «внутреннюю», христианскую, боговдохновенную, направленную на спасение души человеческой, и «внешнюю», ориентированную на познание окружающего бытия, приобретение полезных знаний, но не ведущую к совершенствованию человека. Поэтому предпочтение отдавалось первой, но отнюдь не отменялась и вторая.

Василий Розанов с присущим ему лаконизмом охарактеризовал русских так: «Духовная нация. Во плоти чуть-чуть». Действительно, русская национальная традиция никогда не фиксировала какие-нибудь жесткие этнические и фенотипические черты народа, но напрямую восходила к метафизическим принципам и мифологическим архетипам, которые, собственно, и являлись критериями русского сознания и бытия. Показательно, что расовая проблематика в ее извращенном, сугубо «физическом» смысле, который сегодня распространен в мире, так и не укоренилась в русском менталитете. И тем любопытнее в этой связи наблюдение пронципального англичанина Стивена Грэхема, много путешествовавшего по российскому Северу в нач. XX в., который точно уловил истинный, гиперборейский смысл этого понятия: «Русские – вулканы, или потухшие, спокойные, или в состоянии извержения. Но под поверхностью даже самых спокойных и глупых таится жила энергии расы, ведущая к внутреннему огню и тайне человеческого духа».

В русской национальной психологии существуют различные виды известных противоречий. Это – апокалиптика и нигилизм, святость и юродство, аскетизм и разврат, деспотизм и анархизм, жестокость и доброта, коллективизм и индивидуализм, национализм и всечеловечность, богоискательство и безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт. Но синтез вовсе не означает усреднения и взаимопогашения этих качеств, либо постоянного торжества одного над другим. Русская традиция едина, и ее целостная, качественная природа не тождественна ни одной из ее исторических манифестаций, а также всей их сумме. Само это единство парадоксальным образом заключено в обоюдном обострении и радикализации всех русских «противоречий», а не в их усреднении или постоянном доминировании какого-либо одного элемента. И в этом – неповторимая специфика «непонятного» русского народа, который, по точному наблюдению Николая Бердяева, «способен внушать к себе одновременно сильную любовь и сильную ненависть».

В 1840 г. архиепископ Гавриил (В.Н. Воскресенский) в своей книге «Русская философия» писал, что русский человек «богобоязлив, до бесконечности привержен вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от

поспешности, трудолюбив, хитр, непобедим в терпении, рассудителен, по отношению к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом». Сущность русского ума - стремление сочетать рассудочность с набожностью, веру со знанием, что и придает особый колорит, настроение русскому характеру. Несмотря на такую дуальную детерминированность, в отношении к русской философии преобладающей тенденцией всегда оставался идеологизм. А это были уже идеи, которые подавляли эмоции [2].

Развитие и основные идеи русской философии. XX в. для России оказался, мягко говоря, весьма необычным. Такого размаха и колебаний маятника событий история еще не знала. Советский период оказался одним из самых драматических в жизни русского народа, что не могло не сказаться и на его мировоззрении.

В этот интервал времени отличительной особенностью русской философии являлся идеологизм – помимо большевизма, он охватывал и многие другие направления, преимущественно антикоммунистического, религиозно-консервативного толка. Эти направления равно существовали как в зарубежье, так и в СССР. Несмотря на «железный занавес», между русской эмиграцией и советским диссидентством всегда существовало самое прочное и кровное родство; это была по существу единая и целостная духовная оппозиция против «большевизанства», «сталинокрации». Их объединяла одна общая черта - решительное неприятие «октябрьского переворота», вера в духовное и политическое возрождение России.

Наиболее известным из русских философов XX в. справедливо считается Н.А. Бердяев. Антропологичность его философии не только не вызывает сомнения, но, напротив, может быть названа главной, отличительной чертой всех его взглядов, к какой бы области познания ни устремлял своих интересов этот необычайно универсальный и плодовитый мыслитель. Ученый заявляет: «Я решительно избираю философию, в которой утверждается примат свободы над бытием [5].

Современные философы предлагают различные классификации тенденций философского знания в этот период. Например, Замалеев А.Ф. в своей работе «Курс истории русской философии» выделяет в то время философию антикоммунизма, евразийство, неомонархизм, теорию «всемирного народоустройства», христианский социализм, философию космизма, философско-антропологические учения и постренессансный мистицизм.

К первому течению он относит таких значительных русских философов, как Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Д.С. Мережковского, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка, Л.И. Шестова. Согласно мировоззрениям Бердяева и Франка, общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна. Это духовное выступает в форме «онтологического всеединства» «я» и «ты», или, иначе, соборности. В соборности претворяется богоустановленный миропорядок, который держится на началах иерархии и послушания. Без «водительства» одних и послушания других не бывает никакого общества. В

этом смысле общество есть «аристократия-господство лучших». Неравенство оправдано религиозно, и поэтому всякое гуманистическое заступничество за человека, по словам Бердяева, равнозначно неверию в Бога, равнозначно атеизму.

Именно с иерархизмом Бердяев и Франк связывали формирование личности. Поскольку марксизм отвергает социальное неравенство, то для него, на их взгляд, не существует действительного, конкретного человека. Он знает человека лишь в «социальных оболочках», совокупности его общественных качеств. Такой подход к человеку Бердяев объяснял тем, что марксизм ориентируется исключительно на пролетариат, у которого «нет ничего оригинального, все у него заимствованное». Исходя из этого, Бердяев и Франк детерминировали общественные отношения не экономическими и политическими факторами, а высшей духовной целью. Приобщение к этой цели достигалось только в «церкви Христовой», дарующей человеку истинную свободу. Права и свободы человека безмерно глубже, чем, скажем всеобщее избирательное право, парламентарный строй и т.д.

Принцип иерархизма служил отправным пунктом и для П.А. Сорокина, знаменитого русского социолога, также оказавшегося в эмиграции в 1992 г. В своей «Системе социологии» он рассматривал общество как совокупность коллективных единств, связанных между собой разнообразными функциональными отношениями. Положение индивидов определялось ролью и значением тех социальных групп, в которые он входили. Это исключало их социальное усреднение. К контексте политологического прогнозирования поучительный материал представляют труды Н.С. Тимашева, выдающегося юриста и социолога, автора многочисленных работ по советской политической системе. Его главным образом привлекала проблема посткоммунистического развития России. Он не считал, что власть большевиков будет долговечной. Тимашев пришел к выводу, что в СССР изначально существовали две идеологии. Одна – официальная, созданная Лениным на основе трудов Маркса, другая – демократическая, антитоталитарная. Эта вторая идеология очень прочно и глубоко заложена в русском народе. Такие ее пункты, как желание вернуться к системе частной инициативы и промышленности и требование личной свободы для каждого человека, особенно привлекательны были для тех, кто имеет близкое отношение к искусству, науке и религии.

В 1920-е же гг. русское зарубежье выдвинуло из своей среды еще одно идейное движение – евразийство. В его разработке приняли участие многие видные ученые-философы, лингвисты, этнографы, историки, богословы, правоведы. Всех их объединяла глубокая антипатия к Западу, к европеизму. Евразийцы сотворили новый идеологический миф, по своей сущности близкий к славянофильскому мессианизму, но опертый на иной компонент русской истории - не славянский, а азиатский. Они были в полном смысле слова государственниками, и это также отличало их от теоретиков славянофильства. В этом движении участвовали лингвист Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский и Л.П.

Карсавин. Во многом благодаря их усилиям появились основные программные документы движения: «Евразийство: Опыт систематического изложения», «Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы» и др. [4].

Интересную концепцию предложил историк и географ, профессор Ленинградского университета Л.Н. Гумилев. В своем основном труде – «Этногенез и биосфера Земли» ученый рассматривает такие понятия как «этнос» и «пассионарность». Этнос – это вообще всякая совокупность людей, «коллектив»: народ, народность, нация, племя, родовой союз и т.д. «Все такие коллективы более или менее разнятся между собой по языку, иногда по обычаю, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе». Между этносами существуют многообразные этнические контакты, которые обуславливаются наличием соответствующей «комплиментарности». А причиной положительной или отрицательной комплиментарности Гумилев считал воздействие на этносы неких «энергетических импульсов», исходящих из космоса и вызывающих эффект «пассионарности», т.е. высшей активности, сверхнапряженности. В таких случаях этносы претерпевают «генетические мутации», приводящие к зарождению «пассионариев» – людей особого темперамента и дарований.

Русская философия XX века – взгляд из века XXI. Как мы видим, XX в. оказался веком, полным противоречий. Сложность судьбы самой России сказалась и на сложности и противоречиях философских теорий того времени.

Современные исследователи до сих пор не обладают полной информацией о том, какие еще философские знания были потеряны в XX в. Это обусловлено теми историческими причинами, о которых шла речь выше.

Тем не менее, философское наследие, которое сохранилось и дошло до нас, послужило материалом для создания принципиально новых концепций философии современности, которые уже являются связующим мостиком между столетиями, уже прошлым, двадцатым, и наступающим нынешним, двадцать первым.

Рассмотренные философские системы, получившие свое развитие в XX в., дают прекрасную пищу для размышления. По крайней мере, примеряя на свое сознание некоторые парадигмы этих учений, можно прийти к выводу, что не всегда и не всем «волеизъявляющим» индивидам они подойдут. Во многих представленных мировоззренческих системах показана иерархия принципов, сущность которых варьируется в зависимости от убеждений авторов этих теорий. Нельзя не упомянуть о том, что иногда весьма заметной становится общность характеристик их принципов – например, наблюдается общность характера поставленных проблем типа основных

Последующие замечания будут не только касаться контекста вышеприведенного материала, но и затрагивать биологическую сущность объекта, его породившего. Их появление здесь мы объясняем для себя большой практической важностью.

Акцентируя внимание на психологическом аспекте восприятия сознанием бытия как такого, представленного объектами, существующими

вне нашего сознания, можно заметить, что фиксировать восприятие любого такого объекта в мире можно двояко: если объект ведет себя как вещь, мы можем свободно и неспешно его изучить. Если объект ведет себя как процесс, избегая цепкости нашего сознания, пытающегося его изучить, то мы либо воздействуем на объект, приводя его систему отсчета к состоянию объекта-«вещи», либо ускоряем собственные процессы (в частности, психическую восприимчивость) для того, чтобы выровнять течение нашего времени и времени изучаемого объекта-процесса. В идеале, «разгон» сознания дает нам возможность «остановить мгновение», а «нирвана» сознания позволяет заметить подробности жизни звездных систем.

Опираясь современными кибернетическими терминами, можно сказать, что «движение» мысли в сознании человека, при соответствующем его устремлении, будет свидетельствовать о наличии необходимых признаков духовной жизни у данного «волеизъявляющего» на базе присущей ему знаковой системы. Достаточным признаком будет наличие тенденции совершенствования мировоззрения, увеличение глубины восприятия и осмысления человеком себя, а, следовательно, и окружающего мира, муар которого фильтруется в нашем сознании каждое мгновение бытия.

Размышляя о путях совершенствования человека в нашем технологическом мире, интересно отметить методику этого процесса: индивидуум контактирует с гигантскими банками знаний, буквально впитывая из них знания. В качестве примера можно привести ситуацию, когда студенты учатся в ВУЗе и общаются с преподавателем, который является профессионалом в своей области, своего рода живой экспертной системой-банком знаний. При этом студенты обогащают свои способы самообучения/самообразования, насыщаются знаниями и, как губка, вбирают в себя результаты развития новейших технологий в интересующей их области. Таким образом, они саморазвиваются. Далее этот процесс может быть продолжен как минимум двумя способами. Если человек не обладает достаточно мощными исходными предпосылками своего развития, то ему необходима поддержка той среды, в которой он приобретал начальные знания. Если же этот индивидуум обладает огромной силой воли и способностью самостоятельно искать пути самосовершенствования, то он уже сам ставит себе задачи дальнейшего развития и реализует их.

Рассматривая вопросы функционирования человеческого мозга, отметим, что он не должен уставать от информации, а методично и хладнокровно ее обрабатывать, совершенствуя и развивая механизм упорядочивания. В идеале надо создать такие широкие входные информационные каналы, чтобы не создавался томительный интервал ожидания между поступлением информации и ее обработкой. Человек будущего - это сама Вселенная

Мы живем в своей повседневности, почти не задумываясь о ближайшем или далеком будущем, которое нас ожидает. Если сорвать с наших глаз пелену успокоения, то становится просто страшно жить, зная, что завтра случится что-то. А это что-то, мы, возможно, не сумеем предотвратить.

Представим на миг, что человек обрел такую способность предвидения будущего. Что он будет делать, обладая таким даром? Возможно, ему придется либо сойти с ума, либо научиться играть в стратегические игры, а зная ключевую информацию, уже осознанно планировать и воплощать наперекор известному будущему свои собственные представления о нем. Ведь человеческий мозг постоянно ограничивается, ибо то, что воздействует на нас извне, намного более велико. Это есть тенденция, т.к. сознание человека не только обнажает мир, но и творит его.

Говоря об активном действии, нужно заметить, что ничто так не встряхивает жизнь человека, как однообразие. В этом и заключается одна из граней бытия. Однообразие вызывает скуку, а та, в свою очередь, инициирует сознание на поиск нового занятия, которое, таким образом, эту скуку устранил.

Человека время от времени беспокоят мысли о том, чем ему заняться, причем не только в свободное время. И так как большинство «задумывающихся» таким образом до логического завершения своих дум так и не доходят, то к концу жизни они так и остаются «задумчивыми». Чем дальше идет технологический прогресс, тем больше обостряется проблема свободного времени. Тот, кто имеет в своем распоряжении реальные рычаги воздействия (финансы, ресурсы, и т.д.), самостоятельно задают правила «игры» и регламентируют таким образом свободное время тех людей, которые таких средств не имеют, либо по каким-либо еще причинам не могут заполнить свое свободное время, мотивируя это обстоятельство недостатком таких материальных рычагов воздействия. Это ли не еще одна причина движения?

Заключение. Русская философия сочетает в себе как западную, так и восточную культуру, причем западную - изначально в большей пропорции. Чем дальше Россия уходит по спирали времени, тем более размытой становится эта граница, и тем более «вселенский» характер приобретает ее философия.

Философия, и русская философия, в частности, отражает духовное развитие общества на текущем этапе развития этого общества. Терзания Древней Руси и России «обновленной» – тому пример.

У самых оригинальных русских мыслителей на первый план всегда выдвигаются две тесно связанные проблемы: проблема сущности и смысла человеческого бытия и проблема смысла и закономерности истории. При этом русскую философия отмечает резкое дуалистическое видение человека и истории.

В русском характере сходятся противоположные устремления, не поддающиеся гармоничному соединению и согласованию: предельно чуткое отношение к природному бытию, любование природным миром и одновременно «прозрение» высшей, божественной реальности, определяющей подлинное в человеке и его жизни.

Литература философского плана отличается, прежде всего, огромной информативностью. Прочтя произведение такого типа мы, даже если не

найдем объекта поиска, то при чтении все равно узнаем множество интересных вещей, которые так или иначе вольются в поток совокупного знания, которое влияет на наше мировоззрение в силу своей природы (любая информация уже изначально обладает свойством преобразования, являясь, таким образом, инициатором движения).

И в заключение хочется сказать словами Августина Блаженного: «Единственный восторг, который я испытал в жизни - это философия, все остальное слишком примитивно» [1].

Список использованных источников:

1. Акулинин, В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому / Отв. ред. Г.А. Антипов. – Новосибирск: Сиб. Отделение, 1990. – 154 с.
2. Андреев, Д.Л. Роза мира. – М.: «Прометей», 1991. – 286 с.
3. Бердяев, Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
4. Бердяев, Н.А. Сочинения. – М.: Раритет, 1994. – 416 с.
5. Бердяев, Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. – М.: изд-во МГУ, 1990. – 240 с.